

ЗВЕЗДА РУНЕТА

Ляля Брынза
ПАРИ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
Л97

Серия «Звезда Рунета»

Оформление обложки: *Юлия Межова*

© Лариса Бортникова, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

ПАРИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*(Вступление. Довольно глинно, нудно,
по-видимому, абсолютно не интересно,
но без описаний природы, погоды
и прочих лирических штучек.)*

«Весенний ветер врывался в раскрытое окно, принося с собой нежный запах сирени. У окна сидела юная светловолосая девушка и мечтательно глядела в сад. Ее чистые широко распахнутые голубые глаза, ее невинная ангельская улыбка...»

На самом деле у окна сидела я. Я — это я, и, как говорится, без комментариев. Вообще-то, в мои двадцать девять с хвостиком принадлежать к категории юных и невинных девушек было бы просто неприлично. И уж тем более я не была миловидной голубоглазой блондинкой, скорее, длинной, нескладной очкастой шатенкой, с волосами уже неделю не мытыми по причине отсутствия горячей воды. Через пыльное стекло я заинтересованно пялилась на озлобленного шофера Федю, который, нечеловечески ругаясь, менял колесо на тачке нашего шефа. Из соседнего двора конкретно несло помойкой, но меня это ничуть не смущало. Что может быть здоровее естественных запахов? Я высунула свою нечесаную голову в форточку и заорала:

— Ну чего там? Долго еще намерен возиться? Наш старый милый маразматический друг уже пять раз звонил и плевался в трубку от злости!

Это я так выразилась про нашего непосредственного. Он действительно страдал маразмом, что в его преклонном возрасте не вызывало удивления. Вызывал удивление только тот факт, что он был еще в состоянии передвигаться без посторонней помощи. Впрочем, больше он уже ничего не мог. Наш непосредственный приходил в офис ближе к обеду — вернее, его привозил Федя, — садился за большой дубовый стол и начинал ненавязчиво дремать. Дремал он до конца рабочего дня, а потом тот же Федя отвозил его в его квартиру на Чистых прудах. Все это было достаточно скучно, но меня такое положение вещей вполне устраивало. Будучи личной секретаршей перманентно дремлющего босса, я не утруждала себя какими-либо обязанностями, кроме приготовления светлого ромашкового чая и ответа на телефонные звонки, ежедневное количество которых обычно не превышало двух. Чтобы не деградировать полностью, я брала из дома любовный романчик и целый день наслаждалась невероятными историями не нашей любви, деградируя частично и постепенно и даже получая от этого некоторое удовольствие. Я, между прочим, в отличие от большинства женщин, девушек, бабушек и прочих представительниц слабого пола, никогда не скрывала своей страсти к бульварной беллетристике. Может, вы порой замечали, как сидит эдакая дама бальзаковского возраста в метро и, загадочно улыбаясь, с увлечением тычет пальчик в книжку карманного размера? Книжечка обычно бывает обернута аккуратненько в газетку, и по умному виду этой бальзаковской леди вы могли бы предположить, что она читает как минимум Кастанеду. Не верьте!!! Кастанеду с таким лицом не читают!!! С такими глазами можно только следить за перипетиями отношений

между полами. А спросите эту даму о ее литературных пристрастиях... «Ах,— ответит она,— я, знаете ли, предпочитаю Канта в оригинале, ну или этого... Кастанеду» (а что я вам говорила?!). А я вот не стесняюсь и открыто заявляю о том, что какое-нибудь «Незабываемое утро на ранчо» или «Не забуду никогда малютку Джейн» доставляет мне огромное удовольствие. Я за рабочий день как раз штуки четыре подобных «незабудок» успеваю прочитать.

«Как же это ваша контора умудрялась работать при таком положении вещей?» — спросите вы.

«Да запросто!» — отвечу вам я. Мой милый ма-разматик являлся шефом де-юре, а вот шефом де-факто был молодой и перспективный Андрей Николаевич, который так гонял своих подчиненных, что их периодически тошнило от перенапряжения. Они бы от него все давным-давно поуходили, если бы не тот факт, что он был невероятно хорош собой и к тому же холост, а поскольку на восемьдесят процентов персонал наш состоял из незамужних женщин, все они вкалывали, как кони, лелея слабую надежду, что однажды он обратит на них внимания чуть больше, чем на просто сотрудинок.

— Эй, ты, я поехал! Оттеелефонь старому козлу и скажи, что через десять минут буду у него,— с полнейшим отсутствием какого-либо пиетета прокричал Федя, и его драндулет скрылся в разноцветном потоке как сумасшедше дорогих, так и довольно дешевых иномарок, со времен перестройки наводнивших московские улицы.

* * *

«Дверь в комнату отворилась, и вошла улыбающаяся брюнетка в бежевом шифоновом платье. Она про-

тянула прекрасные нежные руки к голубоглазой девушке и проговорила: „Как ты себя чувствуешь сегодня, дорогая?..“»

Она пихнула дверь так, что та грохнула о косяк, заставив меня вздрогнуть и вернуться из очарования века девятнадцатого в тривиальную мерзость века нынешнего. Прямо передо мной стояла брюнетка, хорошо высветленная до стадии Мэрилин Монро. Ну и морда у нее была, однако! (Не у Мэрилин, конечно.) Эта Ленка, секретарша вышеобозначенного Андрея Николаевича, всегда потрясала меня до глубины души своим умением краситься. То есть сейчас, когда на ней не было ни грамма макияжа, она здорово напоминала лошадь Пржевальского — именно такую лошадку мы все видели в учебнике географии за 5-й класс. Но лишь с утра Ленка позволяла себе некоторую естественность. Поверьте, днем/вечером под слоем дорогой косметики она выглядела как топ-модель перед показом.

— Ну ты че? Все сидишь? Всякую дребедень читаешь? — Ленка бесцеремонно заграбастала с моего стола пачку сигарет, выудила одну своими длинными пальцами с безупречными ногтями и прикурила. — Слышь, посмолю тут у тебя, пока нашего нет. Господи! Как ты можешь курить эту гадость? — Ленка уничтожающе поглядела на сигарету, как будто это была не мальборина, а козья ножка.

— На хаяву даже гадость доставляет людям радость, даже если будет рак — пусть достанется за так... — выдала я свой очередной и, будем откровенны, не самый удачный экспромтик и тоже засунула в рот канцерогенку.

Ленка не отреагировала. Она с явным отвращением на лошадином лице затягивалась и выпускала дым изящными кольцами. Она все старалась делать

аккуратно, изящно и эротично. Я любовалась ее худыми ляжками и думала, что она даже писать (в смысле, по-маленькому) должна изящно. Пока я пыталась представить, как ее аккуратная розовая попка размещается на кольце унитаза, она достала из сумочки косметичку и начала рисовать себе лицо.

— Чего это у тебя такое? — заинтересовалась я, увидев загадочную баночку с вонючей жидкостью неизвестного мне назначения.

Ленка отмахнулась. Ей было некогда отвечать, она находилась в процессе делания рта. Я закурила еще одну мальборину.

— Много куришь. Будут желтые зубы и дурной цвет лица.— Лошадь Пржевальского, как по мановению волшебной палочки, превращалась в Синди Кроуфорд.

— Ага, а еще полный букет страшных заболеваний типа прогрессирующей шизофрении, нимфомании и СПИДа.

Мне было искренне наплевать на цвет лица, а тем более зубы, лишь бы не болели и не вываливались в тарелку с супом в неподходящий момент.

Новоявленная Синди Кроуфорд медленно поднялась с кресла, поправила юбку, которая мне ужасно нравилась своей ненавязчивой длиной, а вернее, отсутствием таковой, и поплыла к двери, качая узкими бедрами. Возле двери оглянулась, бросила невзначай:

— Ты бы тоже хоть накружилась, что ли. Бледновато выглядишь. И прическу поменяй, и стиль одежды, и походку, и вообще...

Она ушла, а я задумалась над этим «и вообще». Что ей не понравилось? Нет, конечно, нельзя отрицать того факта, что к категории красавиц и роковых женщин я не отношусь, а собственно, что с того? Мое существование от этого не становится трагичнее. Я извлекла из недр старой необъятной сумки

зеркальце и, отряхнув с него налипшие кусочки табака, стала рассматривать свою физиономию. Носик славненький — такой слегка курносенький и крупноватый, глазки как глазки, серенькие и, если приглядеться, заметно косят влево, что, как известно, служит признаком аристократизма, лобик в мельчайших таких прыщиках — следствие единолично употребленного вчера «Ленинградского» торта — и довольно приличный большой рот. Вполне обычные щеки, как и у прочих гомо сапиенсов, и подбородок опять же как у всех людей, даже с такой премиленькой ямочкой посерединке. Короче, ничего такого пугающего и ранее мне неизвестного я не обнаружила.

С фигурой у меня тоже все достаточно прилично. Легкая сутуловатость и почти полное отсутствие бюста возмещаются довольно стройными и длинными ногами, которые я уже который год одеваю в хорошие американские, пусть и слегка потрепанные, джинсы. Неизменный серый, иногда бежевый свободный свитер. Ну и плевать, что не оригинально, зато удобно и не надо каждое утро размышлять над тем, что надеть. Я, кстати, себя очень даже люблю и не намерена терпеть никаких таких дискомфортах, связанных с поддержанием привлекательного внешнего вида. Лет семь назад, находясь в Ленкином цветущем возрасте, я тоже могла часами разрисовывать себе фасад. Мне это, помнится, даже доставляло удовольствие. Стыдно сказать, но мне было в огромный кайф болтаться по улицам в мини-мини-юбочке, ловить на себе не самые вежливые взгляды красивых и не очень мужчин и чувствовать себя неотразимо прекрасной. Тогда ни одна мозоль не могла заставить меня сменить шпильки на кроссовки, и ни один мороз не вынудил бы меня надеть вместо тонких колготок шерстяные. Но это тогда, семь лет назад. Эх Ленка, Ленка!.. Я еще раз взглянула на себя в зеркальце и осталась весьма довольна. «Тре-

тый сорт — он, знаете ли, не брак», как любит говорить моя лучшая подружка Инка. Удовлетворенно вздохнув, я залила свое удовлетворение крепким кофе без сахара и вернулась к позабытой было юной блондинистой девице, которая уже на пятнадцатой странице романа подавала определенные надежды зеленоглазому миллионеру с виллой и розовым лимузином на закуску. Класс!

— Принимай тару,— раздался со двора Федин голос. Это он так острил.

Я отложила книгу в сторону и надела умное лицо. Приехал патрон.

* * *

«Сегод мужчина во фраке налил в стакан еще немного пунша и пошел к девушке. Она подняла на него свои прекрасные чистые глаза и спросила: „Вас что-то печалит, дорогой друг?“»

Мой «пушистый» старый маразматический шеф смачно прихлебывал из блюда ромашковый чай и грустно вздыхал. Поскольку вздыхал он уже минут эдак сорок, было бы странно не понять, что мужчина явно напрашивается на сочувствие.

— Что-то случилось, Валентин Петрович? — Я оторвалась от романа и изобразила на лице повышенное внимание.— Может, еще чайку? У меня и печеньице есть. Курабье с глазурью.

— Спасибо, Ларочка, больше не хочу,— он еще раз вздохнул.

Конечно, больше не хочет. Выдул два чайника нон-стоп, и хоть бы что, а еще жалуется на почки. Если бы я столько вышила, мне пришлось бы уже забронировать местечко в помещении со странным названием «Ж», а потом еще и ночевать в обнимку с белым фаянсовым резервуаром.

— Ах, Ларочка, знаете, меня ведь увольняют,— шеф неожиданно испустил стон умирающего лебедя и закрыл лицо руками. Я почувствовала жалость и тут же мысленно отругала себя за излишнюю и недостойную меня сентиментальность (ни к чему это в моем возрасте и с моей зарплатой). При этом на лице у меня отобразилась масса различных чувств — от ужаса до безумного горя. Я бы даже и голову посыпала пеплом, благо пепельница с окурками стояла у меня под носом, но, своевременно вспомнив о том, что профилактика горячего водоснабжения в нашем районе продлится еще с неделю, ограничилась вербальным выражением своего отношения к ситуации.

— О, боже! — Мой вопль, должно быть, был слышен даже на улице. — Да как они могут вас, с вашим опытом, с вашим умом?! Столько сделать для компании — и на тебе! Какие низкие люди! Как они посмели?! И когда вы уходите?

Из всей этой длинной патетической тирады только последний вопрос имел для меня значение, поскольку с уходом моего маразматика мне по всем признакам тоже следовало собирать барахлишко. Кто это станет меня тут держать, и для каких, интересно знать, целей? Поэтому я тут же прикинула, что пора подыскивать себе тепленькое местечко. Нет, можно, конечно, было попробовать остаться, но тогда пришлось бы работать с Андреем и пахать как вол, что меня абсолютно не устраивало. Уж очень я привыкла к спокойной жизни и к ромашковому чаю. Не подумайте, что я хроническая лентяйка или неумеха какая-нибудь. Но как-то жаль было расставаться с непыльной работенкой...

— Так, когда говорите, Валентин Петрович?

— Представляете, уже через неделю. Кошмар! Ухожу, ухожу на пенсию. Буду сидеть дома с супругой и собакой. Ах, Ларочка, с моей почти юношеской

энергией это не так-то просто, — мой маразматик покачивал лысиной, а его левый глаз подергивался от нервного тика.

— Какой ужас! А что же теперь будет с фирмой? Кто сможет справиться с вашими обязанностями? — Мой голос выражал неподдельный страх за будущее компании, что, несомненно, тешило его тщеславие. Пусть потешится напоследок, думала я. Ох и тяжело ему будет дома с его женой-мегерой и болонкой Мотей.

Нервный тик усилился, плавно перешел с левого глаза на правый, и я стала предусмотрительно подумывать о вызове неотложки.

— Нет, вы даже не представляете, кого прочат на мое место. Этот выскочка! Этот гарвардский недоносек! Этот щенок! Я про Андрея Николаевича.

Я это даже очень здорово представляла. Я просто видела живьем картину, как в кожаном кресле моего босса сидит, развалившись, этот молодой карьерист с внешностью второсортного киноактера и нагло раздает указания направо и налево, а за моим столом, блистая нарисованной улыбкой, восседает Ленка и лапает своими руками мой телефончик. То есть это меня не очень задевало, но все-таки... «Эх! Жизнь полна сюрпризов и неприятных неожиданностей», — философски рассудила я.

— Вот так вот, Ларочка. Как мне ни жаль, придется нам с вами расстаться. Может, еще чайку с горя?

Я еще раз выразила искреннее сочувствие дедушке Валентину и, налив ему ромашки, вновь углубилась в чтение. Судя по всем первичным и вторичным признакам, блокурая героиня через несколько страниц должна была отдаться своему смуглому герою.

ГЛАВА ВТОРАЯ

(Плавный переход к завязке сюжета.

Краткая кинологическая справка.

*Появление главного героя и прочая чушь,
и, что обнадеживает, —
никаких описаний природы, погоды
и романтических отступлений.)*

«Бал был в самом разгаре. Играла музыка, шампанское лилось рекой. Прекрасные женщины с обнаженными плечами и роскошные мужчины в смокингах гуляли по саду. Она стояла одиноко возле бассейна с хрустальным фужером в руке, и ее нежное личико озаряла улыбка».

Бал был в самом разгаре. Ну не бал, конечно, и даже не званый ужин, а скромная корпоративная вечеринка человек на пятьдесят. С начала событий, описанных в предыдущей главе, прошла ровно неделя. За эту неделю я не похорошела и не поумнела, разве что прочитала еще штук двадцать розово-слюнявых книжонок. И вот, вся в розово-слюнявом тумане (это я так иронизирую), я бродила из угла в угол по огромному залу с колоннами и лепниной на потолке. Этот «скромный» особнячок на Садовом кольце наша фирма снимала за бешеные деньги. Но он того стоил.

Разглядывая на потолке гипсового ангелочка с пухлым задком и прочими мальчишковыми причиндалами, я сочиняла про себя очередную скабресную эпиграммочку: «Это что висит за штука у Амура ниже лука?» Подумывая об окончании четверостишия, я опрокинула в себя бокальчик виски. Надо отметить, что всему ассортименту спиртных напитков я

предпочитаю эту шотландскую гадость с сивушным привкусом. Так уж получилось, что ни благородные вина, ни модный нынче мартини, ни джин с тоником и кокетливой маслинкой не прельщают мой плебейский организм. Виски, и все тут! Сегодня у меня был чудный повод, чтобы напиться. А как же?! Со слезами на глазах и водкой на столах мы провожали Валентина на заслуженный отдых. Гудбай, мой шеф, гудбай, моя работа! Я пожевала что-то типа канapé с осетриной, усадила свое, ставшее неожиданно тяжелым, тело на канapé у окошка (фу, какой дешевый каламбур!) и пробормотала: «После пятого бокала что-то я стоять устала». Обзор мне открывался знаменательнейший. Возле столов толкалась толпа моих соратников, сотрудников, сотоварищей и прочих «со». Подобрался весь наш московский зверинец в полном составе, пара-тройка региональных представителей с характерным провинциальным прононсом и способностью принимать на грудь в недоступных для жителя столицы объемах. Не поверите, но на проводы моего «маразматика» прилетели даже двое из центра. Такие холененькие америкашечки в шелковых диоровских удавках на жирных красных шеях. Жуть! Вот они-то и сдали первыми, будучи абсолютно не привыкшими к нашим суровым условиям: степям, лесам, тайге, бане, медведям и прочим национальным достоениям. Кажется, их звали Джеральд и Томас. Бывает же такое! Том обнял Джерри, а Джерри обнял Тома, и вот так, по-братски обнимаясь, они слонялись по залу, что-то напевая. Дойдя до диванчика, Томас упал на Джеральда (случайно, не подумайте чего), и оба они уложились в рядок и дружно захрапели.

А нашим — хоть бы хны. То есть всех слегка покачивало, и было немного жарко, но не более того.